

Ф.И. Барский

ЛИЧНОСТЬ КАК ЧЕРТЫ И КАК НАРРАТИВ: ВОЗМОЖНОСТИ УРОВНЕВЫХ МОДЕЛЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В статье сопоставляются два подхода к изучению личности: теории личностных (поведенческих) черт и исследования Я/идентичности (в частности в рамках нарративного подхода). Описываются базовые положения и исторические корни обоих подходов, рассматриваются сопряженные с ними методологические проблемы, недостатки и противоречия. В качестве вариантов, совмещающих оба подхода в одной концептуальной схеме, рассматриваются уровневые модели индивидуальности П. Коста и Р. Маккрэ, Д. Макадамса и В.С. Мерлина. Анализируются их отличительные особенности и возможные ограничения. Выдвигается предположение, что нарративную идентичность (жизненную историю, по Д. Макадамсу), понимаемую как совместную дискурсивную конструкцию, выходящую за пределы индивидуальных представлений человека о себе, можно сопоставить с метаиндивидуальностью (по В.С. Мерлину). Принятие подобного подхода в теории требует пересмотра позиции исследователя в ситуации эмпирического исследования личности, которая принимает взаимно трансформирующий, «постнеклассический» характер.

Ключевые слова: личностные черты, индивидуальные различия, Я, идентичность, нарратив, дискурс, диалог, метаиндивидуальность, уровневые модели индивидуальности, постнеклассическая психология.

На протяжении всего развития психологии в ней сосуществуют различные, иногда противоположные друг другу взгляды и традиции исследования, методы и языки. В данной работе мы сопоставляем ключевые особенности двух широких направлений, одно из которых доминирует в современной психологии личности, а другое длительное время находилось в тени, но постепенно становится все более популярным. Первое представляет собой исследование личностных (или поведенческих) черт (*traits*) как «свойств» или «признаков» индивида, второе — исследование идентичности (*identity*) и/или Я (*self*), рассматриваемых сквозь призму нарративов, историй, совместно конструируемых в сообществе. С нашей точки зрения, психология индивидуальных различий представляет собой взгляд «со стороны» на поведение людей как отдельных представителей вида, тогда как психология Я/идентичности пытается смотреть «изнутри» и обращается

к культурно-опосредствованному жизненному опыту конкретного человека. Эти направления могут рассматриваться как своеобразные «полюса» в понимании личности. Уже в начале XX в. они начали формироваться как отдельные, мало пересекающиеся между собой. Каждое из них соответствует определенным целям и имеет свои теоретические и методические ограничения, из каждого вытекает своя практика и социальная политика.

Хотя это разделение может напомнить известную классификацию методов В. Виндельбанда (номотетические и идиографические методы в науке), речь здесь идет о другом: о базовых метафорах процессов, лежащих в основе личности, деятельности, поведения. С. Пеппер [49] предположил, что каждая попытка научного или философского объяснения опирается на определенную базовую (или «корневую») метафору (*root metaphor*). Люди повсеместно и ежедневно прибегают к использованию метафор с целью

придания осмысленности собственному опыту [9]. Базовые метафоры, которые задают систему метафизических координат для описания определенных явлений, С. Пеппер назвал «гипотезами о мире». Он выделил четыре обобщенных типа гипотез о мире, которые составляют основной объяснительный репертуар в евро-американской науке и философии: «формизм» (подчеркивается организация мира на основе схожести и различий сущностей), «механицизм» (образцом для всех вещей является механизм, а явления природы выступают как продукты передачи сил), «организм» (все существующее рассматривается как динамические целостности, состоящие из частей, следуя Гегелю) и «контекстуализм» (основывается на базовой метафоре исторического события — драматического акта, или нарратива, согласно интерпретации Т. Сарбина) [49] (цит. по [16]). Каждая из этих метафор по-своему раскрывает особенности и отношения описываемой реальности. Вслед за Т. Сарбином можно утверждать, что в истории психологии получили поддержку все основные базовые метафоры: «формизм» (теории черт, структурная психология начала XX в.), «механицизм» (бихевиоризм и его наследники) и «организм» (А. Маслоу, К. Роджерс), определенное место занял «контекстуализм», в частности в работах культурно-исторического подхода, нарративной психологии и интеракционистской школы, современной психологии развития (например [16; 19; 35]). Работы сторонников теории черт можно условно отнести к «формизму», тогда как психология Я/идентичности ближе к «контекстуализму».

В цели нашей статьи входит сопоставление (но не противопоставление) личностных черт и идентичности как способов понимания человека, поэтому в заключение мы обращаемся к разработанным различными авторами многоуровневым схемам, позволяющим включить

эти понятия в единую картину личности/индивидуальности.

Перспектива индивидуальных различий: базовые положения теории черт

Со времен основополагающих работ Ф. Гальтона, В. Штерна, А. Бине, Г. Олпорта и Р. Кеттелла психология личности изучает индивидуальные различия между людьми — наблюдаемые формы поведения, устойчивые тенденции и склонности. В. Штерн в 1911 г. предложил называть «дифференциальной психологией» направление, которое исследует распределение индивидуальных различий в человеческих популяциях. Предполагалось, что оно будет дополнено «индивидуальной психологией», в задачи которой входит изучение целостной человеческой жизни, жизненного пути и своеобразия человеческого Я (позднее в этом значении стал употребляться термин «персонология»). Первый подход в целом соответствовал принятым в то время стандартам формальной науки и получил стремительное развитие в течение XX века. Второй подход под влиянием распространявшегося бихевиоризма вскоре оказался надолго законсервирован и разрабатывался преимущественно в рамках психоанализа и психотерапии, однако с конца 1960-х гг. исследования идентичности и Я стали возвращаться в академическую психологию, и сейчас это широкая, стремительно развивающаяся область [34; 43; 55; 56].

Теория черт представляет наиболее распространенный в настоящее время подход к личности, разрабатывающийся в рамках дифференциальной психологии начиная с 1930-х гг. [1]. Ключевые положения теории черт включают в себя следующее: «люди характеризуются относительно устойчивыми паттернами мыслей, чувств и действий» [42, р. 140]; структура черт универсальна для всех людей; степень выраженности черт у каждого человека можно количественно измерить;

черты сохраняют определенную согласованность от ситуации к ситуации [42; 43]. Личностные черты, утверждают П. Коста и Р. Маккрэ, «обеспечивают концептуально легитимные и эмпирически полезные объяснения человеческого поведения и переживаемого опыта» [46, р. 232]. С их точки зрения, черты не отражают принятое в психологии разделение психических процессов на «когнитивные», «волевые» и «аффективные», но рассматриваются как комплексные паттерны функционирования человека, главная особенность которых состоит в том, что это определенные *тенденции*, внутренние предрасположенности (диспозиции) [45, р. 236]. По П. Коста и Р. Маккрэ, личностные черты напоминают особенности темперамента, с тем лишь отличием, что темперамент обычно оценивается у детей и охватывает более узкие сферы поведенческих проявлений, тогда как многие черты личности формируются вплоть до тридцатилетнего возраста [45, р. 239].

На настоящее время разработан целый ряд операционализаций структуры личностных черт в виде опросников¹ (существуют формы для самоотчета и оценок поведения других людей): это и известная у нас «Большая триада» Г. Айзенка, и наиболее популярные сейчас «Большая пятерка» Л. Голдберга и О. Джона, и «Пятифакторная модель» П. Коста и Р. Маккрэ, а также распространенные в Америке и странах Европы «Многофакторный опросник личности» (MPQ) А. Теллегена, модели М. Заккермана, С.Р. Клонингера и др. (см. [8; 14]).

Методологические проблемы теории черт

В обширной критике, которой теория черт подвергается с момента своего

создания и по сей день, можно выделить несколько главных тем. Критика с теоретических позиций включает в себя проблему онтологического статуса черт (феномены или объяснение), проблему уровня анализа (популяция или индивид), место черт среди других психологических конструктов. Критика эмпирического характера касается вопросов этиологии черт, проблемы согласованности поведения человека и его оценок; актуальной остается проблема валидности широко используемых самоотчетов. Сравнительные исследования черт поведения у животных ставят вопрос об утере специфики человеческого поведения в данном подходе.

Среди сторонников теории черт существуют разногласия по поводу того, считать ли черты внутренними источниками человеческих действий, или же просто суммарными описаниями некоторых поведенческих паттернов. С одной точки зрения, черты можно рассматривать как эмпирический факт, требующий объяснения; с другой — диспозиционные конструкты могут представлять собой не только описательные факты, но и их причины [8, с. 36]. Авторы наиболее популярной «Пятифакторной модели личности» являются сторонниками понимания черт как теоретических причин поведения, а не просто как классификаций наблюдаемых феноменов [25]. Еще один отмечаемый недостаток теории черт — смешение популяционного и индивидуального уровня анализа. «Нет никаких гарантий, что конструкты, применимые на уровне популяции, будут применимы на уровне отдельного человека» [8, с. 100]. Более того, в работах Дж. Лэммиэлла систематически доказывается, что перенос статистических значений, полученных на популяции, на развитие отдельного индивида логически неправомерен [32; 33].

Критики отмечают, что достижения в области эмпирических исследований личностных черт не сопровождаются

¹ Определения наиболее широко используемых психологических черт представлены в «Гипертекстовом психодиагностическом словаре» А.Г. Шмелева: <http://www.ht.ru/on-line/dictionary/> (по состоянию на 17.07.2006 г.).

продвижением в понимании того, что такое черты [8, с. 95]. С точки зрения Р. Харре, теоретические построения теории черт совершенно не убедительны, имеют лишь классификационный характер и ничего не объясняют [27] (цит. по [8]). Созвучным является обвинение в «аристотелевском» характере объяснения (когда абстрактно определяемые классы рассматриваются как сущность объекта), которое в адрес теории черт выдвинул еще в 1930-е гг. К. Левин.

Дополнительной проблемой является то, что изначально черты были выделены на основе психолексических исследований дескрипторов из обыденного языка [30] (цит. по [8]). «Фундаментальная лексическая гипотеза», на которой основаны эти исследования, не раз подвергалась критике (см. например [39; 50]).

Л. Росс и Р. Нисбетт ставят под сомнение существование высокой кросс-ситуативной согласованности человеческого поведения вообще, отмечая слабую связь между оценками черт и объективными поведенческими проявлениями [8, с. 269–270]. С точки зрения Л. Росса и Р. Нисбетта, традиционные методы измерения личностных черт на основе самоотчетов имеют весьма ограниченную эффективность, а результаты их применения далеки от сколько-нибудь исчерпывающей характеристики личности. В связи с этим «согласованность поведения там, где она все-таки существует, может не улавливаться при измерении традиционных личностных черт» (*там же*). С этим соглашались Л. Первин [50] и Д. Макадамс [39]. Отдельный вызов для осмысления представляют сравнительные исследования черт у различных видов животных [26]. Г. Олпорт еще в 1954 г. писал, что широко распространенному в психологии подходу, который он обозначил как «локковский эмпиризм», присуще представление об *эквивалентности видов*: «Считается, что любое базовое человеческое свойство может

быть без потерь изучено на низших видах. Ведь человек – животное» [13, с. 171]. Как показано в обзоре С. Гослинга и О. Джона [26], в рамках принятых в психологии классификаций «личностных» черт можно успешно оценивать поведение животных. Они приводят ряд исследований, в которых большинство или некоторые черты из «Большой пятерки» (как минимум три из пяти) выявлялись у следующих видов: шимпанзе (все пять факторов), горилла, макака, гиена, собака, кошка, осел, свинья, крыса, а также рыбки гуппи и осьминог (у двух последних лишь «нейротизм» и «экстраверсия»). Вышеприведенные результаты наталкивают на вопрос: оценивают ли черты в человеке нечто сверх того, что объединяет его с шимпанзе или, может быть, даже с осьминогом?

По мнению многих авторов, психология индивидуальных различий не должна исчерпываться исследованиями в рамках теории черт [8; 39]. Сами авторы пятифакторной модели также признают это, считая черты важными, но не единственными конструктами для объяснения поведения человека [25]. В целом, несмотря на систематическую критику, можно сказать, что сейчас в психологии наблюдается своеобразный «ренессанс» теории черт (например [25; 31]).

Перспектива человеческого опыта: идентичность и Я

В современном англоязычном обществе слово *identity* является частью обыденного языка, в котором оно обозначает *то, кем считает самого себя человек и кем его/ее считают другие*. Во второй половине XX в. это слово приобрело огромнейшую популярность, возможно, в связи с общим «постмодернистским» кризисом Я в современном обществе Запада. Хотя в психологических работах термин «идентичность» можно встретить уже у У. Джеймса и З. Фрейда, нынешнюю популярность он приобрел после работ

Э. Эриксона [21], который отделял идентичность от Я и Я-концепции [55, р. 8]. В настоящее время эти понятия рассматриваются в столь тесной взаимосвязи, что их трудно отделить друг от друга. Когда исследования касаются взрослых людей, термины «Я» и «идентичность» часто используются как взаимозаменяемые (см. [34; 56]).

История понятия Я в современной психологии начинается с работ У. Джеймса, который ввел ключевое различие между Я-субъективным («I») и Я-объективным («me») [6]. По У. Джеймсу, процесс мыслительной активности «I» объединяет прошлое и будущее человека в модель или в некоторое представление, которое является Я в настоящем, «me». Важные аспекты жизни становятся частями «me» благодаря активности процесса «I». Дж.Г. Мид, опираясь на работы У. Джеймса, разрабатывал представления о социальном происхождении Я.

Ключевой особенностью идентичности по Э. Эриксону является то, что это – психосоциальное качество Я, своеобразный ответ на вопросы, которые сообщества ставят перед человеком в течение его/ее развития. Э. Эриксон стремился построить концепцию, которая бы сочетала интрапсихический взгляд психологии и общественный подход социологии. Данное им определение идентичности включало и внутренние, и социально-контекстуальные измерения: «“эго-идентичность”... – это сознание (*awareness*) непрерывности и тождественности Я (*self-sameness*) и стиль индивидуальности, [который] согласуется с тождественностью и непрерывностью того, что человек значит для других людей в его сообществе (*immediate community*)» (цит. по [55, р. 8]). Для Э. Эриксона идентичность представлялась в виде биполярного континуума, на одном из полюсов которого находился «синтез», а на другом – «спутанность». В поздних работах Э. Эриксон

сформулировал четыре основных аспекта идентичности: «...[идентичность] одновременно обозначает сознательное ощущение индивидуальной идентичности; также неосознаваемое стремление к непрерывности личного характера; в-третьих, критерий работы эго-синтеза; и, наконец, поддержание внутренней солидарности с групповыми идеалами и идентичностью» (цит. по [55, р. 10]). В подходе Э. Эриксона ясно просматривается психоаналитическая подоплека, которая выражается в признании им внутренних инстанций вроде «Эго», а также в ключевой роли интрапсихического конфликта. Дальнейшее развитие понимания идентичности представляет собой движение от психоаналитической интерпретации и терминологии к более культурно ориентированным описаниям.

Богатый теоретический потенциал концепции Э. Эриксона, с одной стороны, и размытость его формулировок – с другой, породили большое количество интерпретаций и операционализаций идентичности в последующих работах психологов и психоаналитиков. Стремление психологов-исследователей превратить идентичность в диспозициональный конструкт привело к созданию многочисленных опросников, хотя в значительной мере за исследованиями идентичности более, чем в других областях психологии, сохраняется прерогатива «качественных» методов, включающих, прежде всего, интервью и незавершенные предложения [55]. Теория «статусов идентичности» Дж. Марсиа была первой попыткой относительно четкой операционализации идентичности, получившей широкое признание и распространение, в том числе у нас в стране (например, [3]). Следом появились другие «неоэриксонианские» концепции идентичности: представление об «областях идентичности» (*Grotevant*), модель «стиля идентичности» (*Berzonsky*), «со-конструктивистская теория идентичности» (*Kurtines*), теория «контроля

идентичности» (*Kerpelman*), «личная экспрессивность» (*Waterman*), модель «капитала идентичности» (*Côté*), «этническая идентичность» (*Phinney*) и др. [55]. Все эти исследователи опирались на работы Э. Эриксона и Дж. Марсиа и либо расширяли и дополняли их, либо отталкивались от них.

Альтернативный подход, не основывающийся на концепции Дж. Марсиа, но по-своему объединяющий психологические представления о Я и психосоциальную теорию идентичности Э. Эриксона, был разработан Д. Макадамсом в виде модели идентичности как жизненной истории (*life-story model of identity*) [11; 38]. Для нас подход Д. Макадамса представляет особый интерес в силу того, что он, возможно, наилучшим образом выражает психосоциальный смысл понятия идентичности. Большинство авторов соглашались, что идентичность — это нечто индивидуально-совместное, создаваемое и изменяемое в отношениях и взаимодействии людей (далее могут последовать перечисления различных бытовых и психологических понятий в зависимости от ориентации исследователя). Но *что* же это?

В 1980-е гг. с работами Дж. Брунера [5; 23; 24], Т. Сарбина [16; 52], Д. Полкингорна [51], К. Гергена, Д. Макадамса и других авторов психология открыла (или в какой-то степени переоткрыла) для себя роль историй в человеческой жизни, и в особенности в формировании Я и идентичности. Вслед за Э. Гидденсом нарративные психологи утверждали: «Идентичность человека обнаруживается не в его поведении и не в реакциях других людей (какими бы важными они ни были), но в способности *поддерживать определенный нарратив*» (цит. по [41]). Согласно теории Д. Макадамса, человек организует свою идентичность посредством нарратива, представляющего собой «личный миф», который складывается в подростковом возрасте и пересматривается всю

последующую жизнь. Именно согласованная жизненная история придает человеку ощущение целостности и направленности существования, лежащее в основе того, что Э. Эриксон назвал «ощущением идентичности», и помогает собрать воедино разрозненный жизненный опыт и превратить его в осмысленную структуру. Эмпирическая работа Д. Макадамса посвящена тому, каким образом человек интегрирует множественные аспекты своего Я (например, персонажи) в единую жизненную историю [11; 38; 41].

В нарративном подходе акцентируется роль человека как сознательного субъекта, со-конструирующего свою жизненную историю в соответствии (и в диалоге) с ценностями, стереотипами и нормами культур и сообществ, участником которых он/она является. Эти нормы, ценности и стереотипы в свою очередь представлены в культурных текстах и повседневном взаимодействии людей в форме вербальных и невербальных нарративных конструкций [24]. Они в определенном смысле, а именно в том, о котором говорил Б.Д. Эльконин в своем описании «неклассической психологии» Л.С. Выготского, «объективны» [20, с. 477–478].

Методологические проблемы исследования идентичности

Критика исследований идентичности включает как проблемы теоретического плана (размытость определений, подмена строгих научных категорий художественным описанием, несовместимость различных концепций идентичности между собой и с другими психологическими конструкциями), так и методические вопросы: чрезвычайно актуальны проблемы, связанные с разработкой стандартизированного исследовательского инструментария; проблемы конструктивной и конвергентной валидности существующих методов, как качественных, так и количественных [55]. С исследованиями идентичности и Я

связаны сложные эпистемологические, теоретико-философские и методологические вопросы междисциплинарного характера. На этом поле пересекаются психология, социология, культурология, этнография и лингвистика; особую роль играют кросскультурные исследования.

Перед психологией Я и идентичности стоит целый ряд ключевых вопросов, которые на настоящий момент далеки от разрешения. Это, например, вопросы генерализуемости данных разных исследований, перенесения знания из одной культуры в другую (его «локальность»), возможности приложения научного подхода к Я вообще. Некоторые авторы высказывают серьезные сомнения в подвластности человеческого Я существующим в культуре инструментам анализа и возможности формулирования законов в этой сфере. Другие выступают за распространение так называемой «качественной» методологии в психологии, которая хорошо приспособлена для улавливания тонкостей человеческого опыта и анализа материалов текстуального типа [18], однако вступает в конфликт с принятыми в психологии индивидуальных различий «позитивистскими» критериями научности [22].

Психологическое исследование идентичности и Я постоянно наталкивается на встроенные в наше мышление индивидуалистические установки современной западной культуры. Их по-своему пытаются преодолеть различные авторы (например, К. Герген, Р. Харре, Г. Херманс). С нашей точки зрения, ключевое противоречие в психологических исследованиях идентичности и Я может быть сформулировано следующим образом: если идентичность конкретного человека совместно конструируется (и постоянно переконструируется) людьми в сообществе, возможно ли (и правомерно ли) изучать ее как «свойство» отдельного человека, подобно другим психологическим конструктам (например, по распространившейся в психологии

дифференциально-психологической модели исследования поведенческих черт)?

Уровневые модели индивидуальности

Характеристика, которую Г. Олпорт дал современной ему академической психологии еще в 1954 г., в целом подходит и для нынешнего времени: «...Мы обычно рассматриваем личность... как диаграмму, изображенную в сети внешних координат, лишенную взаимосвязей, протяженности во времени, движения, жизни, изменения, уникальности» [13, с. 175–176]. Или, как выразился Г. Айзенк: «Для ученого уникальный индивидуум — это просто точка пересечения ряда количественных переменных» (цит. по [13]). Категории черт подчеркивают согласованность обобщенных, деконтекстуализированных паттернов поведения человека, но они плохо подходят для описания изменений, происходящих с развитием личности [39].

Черты представляют собой «тонкое», бедное описание человека, в противовес «насыщенному», богатому деталями описанию (*thick description* — термин К. Гирца). Несмотря на распространенность подходов, рассматривающих личность как набор черт, большинство ученых признают, что полноценное описание индивидуальности нуждается в конструктах и соответствующих им методах различной степени обобщенности. С целью интеграции различных подходов и переменных в сфере личности различными отечественными и зарубежными авторами предлагались решения в виде *уровневых моделей* индивидуальности [2; 4; 12; 25; 40]. Далее мы рассмотрим несколько современных моделей, в которых по-разному упорядочиваются отношения личностных черт, Я/идентичности и других психологических конструктов, используемых в исследованиях личности.

Опираясь на определение, данное Г. Олпортом: личность — это «динамическая организация психофизических систем человека, определяющих характерные

для него поведение и мышление» (цит. по [25]), П. Коста и Р. Маккрэ предложили ставшую исключительно популярной в последние десятилетия модель личности, основанную на «Большой пятерке» личностных черт. Однако их модель личности не сводится исключительно к чертам и включает следующие компоненты: а) «динамическая организация», или *ряд процессов*, интегрирующих поток переживания и поведения; б) «психофизические системы», которые составляют *базовые тенденции (черты)* и способности человека; в) «характерные для человека поведение и мышление», например, привычки, аттитюды и отношения, которые они называют *характеристическими адаптациями* (характеристические адаптации являются конкретными формами реализации базовых тенденций). К этим трем элементам они добавляют следующие: г) *внешние влияния среды*, понимаемые в широком смысле как наличная жизненная ситуация и общий культурный, социальный и исторический контекст; д) *объективная биография* человека, все значимые события и переживания от начала до конца жизни; е) *Я-концепция*, или представление человека о том, кем он/она является [25]. В модели П. Коста и Р. Маккрэ базовые тенденции дают начало всему остальному, а Я-концепция рассматривается как эпифеномен работы личностных черт [25, р. 24]. Следует отметить, что собственные исследования П. Коста и Р. Маккрэ касаются в основном базовых тенденций и характеристических адаптаций, а такие элементы их модели, как «динамическая организация», «внешние влияния» и «объективная биография», существуют в их модели, скорее, в виде теоретического наброска.

Д. Макадамс предложил свою собственную схему описания индивидуальности, акцентировав целенаправленную регуляцию и осмысление жизни при помощи Я-нарратива, жизненной истории. Хотя схема Д. Макадамса в некоторых аспектах

перекликается с вариантом П. Коста и Р. Маккрэ, она имеет отчетливое уровневое членение, в ней по-иному распределены приоритеты. *Первый уровень* включает в себя свойственный индивиду паттерн черт, или диспозиций (типа «Большой пятерки» П. Коста и Р. Маккрэ, однако Д. Макадамс практически равнозначно принимает и другие модели личностных черт). Черты, с точки зрения Д. Макадамса, могут рассматриваться как существующие относительно внеконтекстно и внеситуативно. *Второй уровень* – уровень характеристических адаптаций – включает индивидуальные мотивы, цели, схемы, ценности и т.п., связанные с развитием и социальным контекстом человека. *Третий уровень* – уровень идентичности как жизненной истории, придающей жизни смысл, направленность и единство [40; 44]. Как отмечают критики [36; 54 и др.], схема Д. Макадамса вряд ли может рассматриваться как готовая к воплощению в систему эмпирических гипотез модель целостной индивидуальности. Скорее, она может служить неплохой дидактической подпоркой для преподавания различных психологических теорий студентам (и в этом Д. Макадамс преуспел – его учебник по психологии личности выдержал уже четвертое издание в США). Тем не менее возможно, что трехуровневая схема Д. Макадамса более пригодна, чем схема П. Коста и Р. Маккрэ, в качестве ориентира для построения исследований, совмещающих сразу несколько подходов к личности – например, теорию черт и нарративный подход. Другой вопрос, что простое размещение данных подходов на разных «этажах» не разрешает противоречий между этими подходами как совершенно разными «парадигмами» – традициями научной работы. Собственные исследования Д. Макадамса проводятся в духе традиционной американской психологии индивидуальных различий, что фактически представляет собой сведение

Я-нарративов к индивидуальному свойству или черте. Однако, как признает и сам Д. Макадамс, жизненные истории — это не черты, а психосоциальные конструкции, это «нечто, чем люди обмениваются» [57, р. 374].

Разработка в чем-то сходной системы осуществлялась в нашей стране десятилетиями ранее в научной школе В.С. Мерлина. Целостная характеристика индивидуальных свойств человека обозначалась В.С. Мерлиным как *интегральная индивидуальность* [12, с. 22]. Как и схема Д. Макадамса, концепция В.С. Мерлина представляет собой уровневый подход: иерархически, но неоднозначно (В.С. Мерлин употреблял термин «много-многозначные связи») связанные между собой уровни включают как *интраиндивидуальные* (темперамент, черты личности и т. п.), так и *метаиндивидуальные* (например, личный статус человека в группе) особенности. Интегральная индивидуальность простирается как в биологическое измерение, так и в социальное, где она превосходит границы индивидуального организма и представляет собой явление, которое можно адекватно понять лишь на уровне сообщества (группы) [12, с. 104–105]. На каждом уровне, по В.С. Мерлину, следует использовать адекватный исследовательский подход, не ограничиваясь привычной для экспериментальной психологии целью обнаружения причинно-следственных зависимостей и учитывая существование иных типов детерминации [12, с. 23–24].

Проблемы уровневого подхода

В.С. Мерлин отмечал существенные трудности, возникающие при решении задачи интегрального исследования, совмещающего несколько уровней индивидуальности, поскольку 1) заранее не известен исчерпывающий состав этих уровней, 2) часто мы не в состоянии знать, какие свойства относятся к одному и тому же,

а какие — к разным иерархическим уровням [12, с. 25]. Сходные вопросы по отношению к трехуровневой схеме Д. Макадамса высказал Дж. Сингер [54]. В особенности сложным представляется содержание второго уровня по Д. Макадамсу — уровня «характеристических адаптаций», к которым Д. Макадамс относит огромное количество конструктов самого различного качества и теоретического происхождения (от личных стремлений, компетенций и задач развития до глубинных мотивов и психоаналитических защитных механизмов). Проблема установления связей между различными уровнями и их иерархии рассматривается по-разному. С точки зрения П. Коста и Р. Маккрэ, базовые тенденции в одностороннем порядке определяют другие компоненты личности (характеристические адаптации и Я-концепцию). Д. Макадамс подчеркивает объединяющую функцию жизненной истории, которая связывает ситуативный контекст с глобальными жизненными целями и ценностями и создает общую картину жизни в виде повествования. В относительно недавнем исследовании связи черт «Большой пятерки» и особенностей жизненных историй Д. Макадамс и коллеги показали, что некоторые особенности жизненной истории демонстрируют умеренную корреляцию с некоторыми из личностных черт [42]. Невысокие значения обнаруженных корреляций убеждают Д. Макадамса в относительной взаимной независимости выделенных им уровней.

Одним из наиболее существенных вопросов является вопрос об онтологической принадлежности содержания уровней «индивидуальности» — уровнями *чего* они все-таки являются? Похоже, что для В.С. Мерлина уровни составляют непосредственную реальность личности (выходящие в случае метаиндивидуальности за пределы индивидуального), тогда как в модели Д. Макадамса это менее

ясно. Действительно ли личность содержится в себе *ничто*, что соответствует этим уровням, или же это лишь *способы* упорядочить различные исследовательские позиции по отношению к личности? Если принять вторую позицию, то, согласно интерпретации Д. Озера [48], уровень 1 будет отражать «внешний» взгляд на личность (описание поведения сторонним наблюдателем — в терминах черт), а уровни 2 (характеристические адаптации) и 3 (жизненная история) — «внутренний» взгляд самого человека, его/ее самопонимание (включающее интенциональные конструкты, такие, как цели, мотивы и объединяющие их в контексте и во времени жизненные истории). Согласно взгляду, который высказывается самим Д. Макадамсом, уровни в его схеме различаются по степени контекстуализированности описания личности — черты дают лишь «грубый набросок», характеристические адаптации «заполняют силуэт деталями», а нарратив «создает определенную степень целостности и осмысленности» [11; 41]. Данная характеристика уровней позволяет рассматривать схему Д. Макадамса все-таки ближе к представлению об уровнях как о различной «оптике» описания индивидуальности. К этой же интерпретации склоняется Дж. Маер, определяя схему Д. Макадамса как «психологию наблюдателя личности» (в отличие от «психологии личности»): три уровня этой схемы отражают то знание, которое необходимо наблюдателю (например, ученому), чтобы у того постепенно возникло *ощущение близкого знакомства*, или глубокого понимания личности наблюдаемого [37, р. 350–351].

В одной из недавних публикаций Д. Макадамс и Дж. Пэлс включают трехуровневую схему в более общую «Пятерку принципов психологии личности» (к трем вышеупомянутым уровням добавляются ничего принципиально не меняющие «принцип эволюции» и «принцип влияния культуры»), которые они с иронией

именуют «Новой Большой пятеркой» [44]. Последнее еще больше убеждает нас в том, что трехуровневая схема Д. Макадамса — это не схема организации личности, а систематизация подходов к исследованию личности в психологии, носящая скорее дидактический, чем онтологический характер. Проблема совмещения различных теоретических и методических перспектив в эмпирических исследованиях личности остается, таким образом, открытым и весьма недоопределенным вопросом, хотя актуальность такого совмещения ясно обоснована рядом авторов.

В модели индивидуальности П. Коста и Р. Маккрэ основными формирующими силами в соответствии с традицией дифференциального подхода остаются «базовые тенденции» (биологические в своей основе) и «внешние влияния» (включающие в том числе культурные процессы). Д. Макадамс по-иному расставляет акценты, рассматривая человека как главного соавтора своей нарративной идентичности (и за это в свою очередь получает обвинения в чрезмерном «индивидуализме»). Однако обе модели фокусируются на индивидуальных особенностях личности. Это ограничение преодолевается в работах В.С. Мерлина, расширяя традиционное представление о предмете и объекте психологии индивидуальности. Опираясь на разработанное им понятие о метаиндивидуальности, можно утверждать, что адекватным подходом к Я и идентичности будет не измерение неких качеств, а исследование взаимодействий в сообществе людей или иных говорящих субъектов, как существующих физически, так и воображаемых.

Вместо заключения

Как заметил Марк Твен: «Если единственный инструмент, которым вы располагаете, — это молоток, то множество различных предметов покажутся вам гвоздями». Два рассматриваемых нами подхода к личности (через теорию черт

и нарративную идентичность) включают в себя не только разное теоретическое понимание своего предмета, но и опираются на разную методологию эмпирического исследования. Методология здесь явно порождает предмет. Изучая черты, мы рассматриваем человека в первую очередь как индивида, обладающего определенными общими для всех свойствами, которые мы измеряем. Предметом интереса в данном случае выступают не конкретные люди или психологические процессы, а различия между людьми; объектом исследования становятся место индивида в популяции на континууме измерений и разброс этих измерений. Различия и общее между индивидами выступают целью и средством дифференциально-психологического исследования.

Идентичность (которую можно, предположительно, сопоставить с метаиндивидуальностью по В.С. Мерлину) – дискурсивная, социальная конструкция (например, «жизненная история», но это не единственный ее вариант). Она выходит за видимые границы индивида и в этом смысле является «продуктом общественных отношений», не будучи в то же время чем-то отдельным от них самих. Жизненная история (по Д. Макадамсу) включает не только образ протагониста (я-как-другой), но и образы всех значимых других (или «имаго» в терминах Д. Макадамса), а также различные сообщества. Метаиндивидуальность как система отношений создается и находит выражение в сюжетах событий жизненной истории, которая пишется ее «главным героем» и значимыми другими совместно на основе культурных прототипов и различной (явной и неявной, подразумеваемой) мифологии, авторство которых уже совершенно не принадлежит конкретному индивиду. Анализ сюжетов индивидуальных жизненных историй показывает, что они могут считаться индивидуальными только отчасти, в значительной степени лишь условно. По от-

ношению к событиям личной биографии интерпретация с точки зрения других людей, сообществ и позиций, выраженных в культурных повествованиях и «дискурсах» (например, в СМИ и художественных произведениях), играет решающую роль.

Возможно, идентичность как жизненная история – не высший уровень индивидуальности, как предполагает Д. Макадамс, а некое «опосредующее звено» между разными свойствами и подсистемами индивидуальности [7]. Нарратив как когнитивный инструмент (по Дж. Брунеру [24]) позволяет соединить различные аспекты существования – например, личные цели и стремления людей и их представления о мире объектов, построенные по причинно-следственному принципу. Г. Херманс даже предлагает пересмотреть личностные черты с точки зрения диалогического представления о человеке – рассматривать их не как свойства, а как «голоса», позиции в «пространстве сознания» [29]. Разумеется, предложенные варианты совмещения дифференциального и дискурсивного, диалогического, нарративного подходов к личности являются сейчас только идеями в очень расплывчатой формулировке. Какого рода исследование необходимо, чтобы ответить на все поставленные вопросы, и возможен ли на них эмпирический ответ вообще? Этот вопрос остается пока не решенным и требует дальнейшего осмысления.

Сказанное выше предъявляет особые требования к методологии эмпирического исследования: человеческие свойства, вероятно, следует рассматривать в контексте коммуникации в сообществе, которое в свою очередь выступает как основной «объект» изучения. Характеристика личности становится обращенным высказыванием, имеющим конкретных (в том числе, воображаемых) адресатов. Идентичность как личная история создается и легитимируется значимыми членами сообщества, реальными и виртуальными собеседниками. Шаги

в разработке такого направления исследований совершаются в частности в рамках концепции «диалогического Я» Г. Херманса [29], который опирается на идеи М.М. Бахтина о диалогической природе сознания. Еще один подход, где черты и другие свойства личности рассматриваются в рамках «дискурсивной онтологии», представлен в теоретических работах Р. Харре [17; 25]. С его точки зрения, предметом психологии, которая рассматривает реальность разговора, общения (*conversation*) в качестве первичной, несводимой ни к чему другому реальности (и не выражаемой с помощью механистических, органических и других физикалистских метафор), являются дискурсивные процессы, происходящие в первую очередь между людьми, а не внутри человека. Сходные положения сформулированы в философско-психологических работах Дж. Шоттера [53].

В заключение заметим, что исследователь идентичности, действующий в русле подобного подхода (как бы он ни назывался) неминуемо оказывается одним из соавторов идентичности («Я-нарратива») респондента — участника исследования, а само предприятие приобретает взаимно трансформирующий характер. Последнее условие помещает психологию в разряд *постнеклассического* знания [17], что обязывает ее к систематической рефлексии социально-культурного контекста вокруг процедур исследования личности и к радикальному пересмотру своих исследовательских практик.

Литература

1. Анастаси А. Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении. М., 2001.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М., 2001.
3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
4. Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.
5. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2). С. 9–29.
6. Джемс У. Психология. М., 1991.
7. Дорфман Л.Я. Методологический анализ теории интегральной индивидуальности В.С.Мерлина // Методология и история психологии. 2008. Вып. 3. С. 106–121.
8. Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб., 2003.
9. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
10. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности М., 1993.
11. Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Вып. 3. С. 135–166.
12. Мерлин В.С. Психология индивидуальности. М., 1996.
13. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М., 2002.
14. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М., 2000.
15. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. М., 1999.
16. Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–28.
17. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2003.
18. Улановский А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 27–37.
19. Харре Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности / ред.-сост. Е.В. Якимова. М., 1995. С. 74–93.
20. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989.
21. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
22. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–17.
23. Bruner J.S. Actual Minds, Possible Worlds. Cambridge, MA, 1986.
24. Bruner J.S. Acts of meaning. Cambridge, MA, 1990.
25. Costa P.T., McCrae R.R. Set like plaster? Evidence for the stability of adult personality // Heatherton T.F. & Weinberger J.L. (Eds.). Can personality change? Washington, DC, 1994.

26. Gosling S.D. & John O.P. Personality dimensions in nonhuman animals: A cross-species review // *Current Directions in Psychological Science*. 1999. N 8. P. 69–75.
27. Harre R. *Cognitive Science: A Philosophical Introduction*. Los Angeles, 2002.
28. Hermans H. Bridging Traits, Story, and Self: Prospects and Problems // *Psychological Inquiry*. 1996. Vol. 7. N 4. P. 330–334.
29. Hermans H.J.M., Kempen H.J.G. & Van Loon R.J.P. The dialogical self: Beyond individualism and rationalism // *American Psychologist*. 1992. N 47. P. 23–33.
30. John O.P., Angleitner A. & Ostendorf F. The lexical approach to personality: A historical review of trait taxonomic research // *European Journal of Personality*. 1988. N 2. P. 171–203.
31. John O.P. & Srivastava S. The Big Five Trait Taxonomy: History, Measurement, and Theoretical Perspectives // John O.P. & Pervin L.A. (Eds.). *Handbook of personality: theory and research*. N. Y., 1999. P. 102–138.
32. Lamiell J.T. Beyond individual and group differences: Human individuality, scientific psychology, and William Stern's critical personalism. Thousand Oaks, CA, 2003.
33. Lamiell J.T. On Sustaining Critical Discourse with Mainstream Personality Investigators // *Theory & Psychology*. 2007. Vol. 17. Issue 2. P. 169–185.
34. Leary M.R., Tangney J.P. (Eds.). *Handbook of Self and Identity*. N.Y., 2003.
35. Lerner R.M. Changing Organism – Context Relations as the Basic Process of Development: A Developmental Contextual Perspective // *Developmental Psychology*. 1991. Vol. 27. N 1. P. 27–32.
36. Loevinger J. In Defense of the Individuality of Personality Theories // *Psychological Inquiry*. 1996. Vol. 7. N 4. P. 344–346.
37. Mayer J.D. How Do We Know a Person in Contemporary Frameworks for Personality? // *Psychological Inquiry*. 1996. Vol. 7. N 4. P. 350–353.
38. McAdams D.P. Power, intimacy, and the life story: Personological inquiries into identity. Chicago, 1985.
39. McAdams D.P. A Five-Factor Model In Personality: A Critical Appraisal // *J. of Personality*. 1992. Vol. 60, N 2. P. 329–361.
40. McAdams D.P. Personality, modernity, and the storied Self: a contemporary framework for studying persons // *Psychological Inquiry*. 1996. Vol. 7. N 4. 1996. P. 295–321.
41. McAdams D.P. The Psychology of Life Stories // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5. N 2. P. 100–122.
42. McAdams D.P., Anyidoho N.A., Brown C., Huang Y.T., Kaplan B. & Machado M.A. Traits and Stories: Links Between Dispositional and Narrative Features of Personality // *J. of Personality*. 2004. Vol. 72. N 4. P. 761–784.
43. McAdams D.P., Josselson R. & Lieblich A. (Eds.) *Identity and story: Creating self in narrative*. Washington, DC, 2006.
44. McAdams D.P. & Pals J.L. A new Big Five: Fundamental principles for an integrative science of personality // *American Psychologist*. 2006. Vol. 61(3). P. 204–217.
45. McCrae R. & Costa P. Trait explanations in personality psychology // *European J. of Personality*. 1995. Vol. 9. P. 231–252.
46. McCrae R.R. & Costa P.T. A Five-Factor Theory of Personality // John O.P., Pervin L.A. (Eds.). *Handbook of personality: theory and research*. N. Y., 1999. P. 139–153.
47. Mead G.H. *Mind, Self, and Society*. Chicago, 1934.
48. Ozer D.J. The Units We Should Employ // *Psychological Inquiry*. 1996. Vol. 7. N 4. P. 360–363.
49. Pepper S. *World hypotheses*. Berkeley, 1942.
50. Pervin L.A. A Critical Analysis of Current Trait Theory // *Psychological Inquiry*. 1994. Vol. 5. N 2. P. 103–113.
51. Polkinghorne D.P. *Narrative knowing and the human sciences*. N. Y., 1988.
52. Sarbin T.R. Narrative as a Root Metaphor for Psychology // T.R. Sarbin (Ed.) *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct*. N. Y., 1986. P. 3–21.
53. Shotter J. *Conversational Realities: Constructing Life through Language*. London, 1993.
54. Singer J.A. To Integrate or Not to Integrate: A Dilemma for Modern Personality Theory // *Psychological Inquiry*. 1996. Vol. 7. N 4. P. 367–371.
55. Schwartz S.J. The Evolution of Eriksonian and Neo-Eriksonian Identity Theory and Research: A Review and Integration // *International J. of Theory and Research*. 2001. Issue 1 (1). P. 7–58.
56. Tesser A., Felson R.B. & Suls J.M. (Eds.). *Psychological Perspectives on Self and Identity*. Washington, DC, 2000.
57. Thorne A. & Latzke M. Contextualizing the Storied Self. *Psychological Inquiry*. 1996. Vol. 7. N 4. P. 372–376.